

ВОЛОГОДА

СКИЙ
ОБОР

Литературно-художественный альманах писателей-вологжан

123 9656

Вологда
1995

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека

СЕРГЕЙ БАГРОВ

Багров Сергей Петрович родился 8 января 1936 года в городе Тотьма Вологодской области. Окончил Пермский Государственный университет. Автор одиннадцати книг прозы, а также неопубликованного повествования о Николае Рубцове «Летающий ангел».

Прежде чем стать профессиональным писателем, Сергей Петрович был дорожным мастером, землекопом, горным рабочим, станочником, геодезистом, учителем, собирателем фольклора, журналистом.

Уже являясь членом Союза писателей, Багров освоил профессию агронома-овощевода. В настоящее время редактирует местный журнал «Огородные подсказки». Живет в Вологде, выезжая на лето в деревню, где наряду с писательским творчеством занимается сельским хозяйством.

ЗВОНОК НАД БЕЗДНОЙ

(миниатюры)

ГДЕ ЖЕ ТВОЙ СЫН?

Где же он, твой забубенный? На каком российском вокзале? Или на пристани? Или в притоне среди беспардонных сорви-голов? Или, быть может, — в земле, куда закопала его чья-то поспешливая лопата?

КОВЧЕГ

Земля не только кладбище для жителей планеты, но и ковчег для тех, кто начинает плыть. Куда плывет Земля? И кто с ней будет до конца? В каком году ей уготовано рассеяться в летучий прах? И кто об этом будет знать, и кто это знание оставит для потомков, которым жить придется где-то за пределами покинутой Земли?

ПОТЕМКИ

Перед тем как забраться в постель, он выпил стакан холодной воды, понуро вздохнул и, уставившись взглядом в окно, разглядел свою безысходность. Она шла на него от парадных дверей магазина, от табличек с названием улиц, от мрачного с флагами небоскреба, от копошившейся в темноте бойкой кучки людей, готовивших покушение. Покушение на квартиру с вещами. На банк. На еще не совсем разграбленную Россию.

НАКАНУНЕ

Говорят, что Русь умерла. Что по всем городам и селеньям под грай отлетающих птиц торжествует безжалостный траур.

Что же делать? Как жить? Остается одно — воскресить ее с помощью наших сердец, наших рук и еще незабытого Бога.

ПОМНИТЬ!

Мы вспоминаем светлых сынов Отчизны, тех, кто для Родины был защитником или творцом, духовным наставником или героем. А как же нам быть с палачами, с теми, кто доносил и сажал, клеветал и пытал? С теми, кто и сейчас продает, как иуда, Россию? Тоже помнить! Как помнят катастрофы, принесшие человечеству смерть, безверие и позор.

ИТОГ

Оказался вроде бы как не у дел. Суечусь, что-то делаю. Да не то. Словно стреляю в мишень из винтовки. Но зря. Мимо цели. Глаз стал не тот. И рука потеряла привычную твердость. Ну а сердце? А сердце все то же, только с износом на девять десятых.

Стремился к чему-то. Работал. И вот ни к чему не пришел. Одна лишь десятая. Мало. Побольше бы? Но душа отвергает. Чужого не надо! Принимаю, пускай и чутошно-малое, но свое.

ВОИН

Воинами не рождаются. Воинами становятся от печальной необходимости или беды.

Будни рыночных катаклизмов тоже воинов породили, тех, которые рвутся в бой, оседлав трибуны и микрофоны.

И все-таки подлинный воин сегодня в поле. Он один на один с наступающим голодом и разрухой. Стиснув зубы, воин впрягается в плуг. И работает — за себя, за детей своих и за тех, кто сейчас находится за трибуной.

ВЫСОКАЯ ВЛАСТЬ

Из белого облака, как из пены, вынырнула луна. А вместе с ней из заречных лесов, закидав сутемками солнце, выплыл вечер.

Спят на зеленых ветвях притомленные птицы. Трещит, пробиваясь сквозь хворост, рыбацкий костер. Пахнет рекой, подмаренником и покоем.

И вдруг потянуло упругим ветром. Вдоль берегов, по траве пробежала холодная дрожь. Белое облако темным паромом настигла гряда дымных туч. Настигла и высветилась молниеносным факсимиле, словно подписью под приговором, какую зловеще запечатлела чья-то высокая власть над нашей грешной Землей.

ВОЗЛЕ БЕЗДНЫ

Там, где кончался чернеть под желтеющим месяцем лес, был сталисто-седой горизонт, прикоснувшийся к гиблой бездне — краю всего, может, даже самой Вселенной, откуда, угрюмо махая крылами, летело на нас молчаливое воронье.

КОСА

Я, кажется, схожу с ума, поэтому окликаю их:
— Ты, Юра, здесь?

Но Юра промолчал.

— Ты, Коля, здесь?

И Коля промолчал.

Потом окликаю Стасика, Сережу, Гешу. Я перечислил всех друзей. Однако ни который мне не отозвался.

Я всматриваюсь в зимние потемки. Дорога. Изгородь. И в мрачном выблиске — скользящие вдоль поля синие сугробы. А чуть повыше, в бахrome подравшихся друг с другом туч, — летучая луна. Она тревожна и легка, как голова старинного дружка, и почему-то от нее идут воспоминания о тех, кого скосила смертоносная коса.

ПИСЬМО

Мать получила скорбное письмо. Читает. Цвет ее лица становится, как у письма, таким же бледно-похоронным.

...Как много утекло воды. Уж и матери не стало. Но мы запомнили ее красивое лицо, замученно-печальный взгляд, движение руки, зажегшей керосиновую лампу, и это прилетевшее с войны письмо. В нем — несколько коротких слов. И каждое, как пуля, попадает в ее сердце.

Все это выдержит она. Не потому, что сильна характером, а потому, что рядом мы, еще невыросшие дети, которым надо жить и жить.

И вот мы выросли. Живем, ступая шаг за шагом к старости и вечной тишине, в которой ожидает нас старушка-мать. В руке у матери все то же похоронное письмо. Читает и никак не дочитает до конца.

ЗВОНОК

Зло и добро перемешано. Того и другого достанется каждому в равной мере, за исключением ранних, ушед-

ших из жизни не по звонку. Звонки же небесный дает сигналы лишь тем, кто от жизни забрал сполна и готов прихватить напоследок еще и чужое.

КРАЙНЕЕ В ДЛИННОМ РЯДУ

Вся наша жизнь состоит из прощаний. Прощаясь, мы с болью в душе расстаемся с привычным и дорогим.

Прощание с детством.

Прощание с другом.

Прощание с матерью и отцом.

При этом, мужая и закаляясь, приобретаем опыт ненужных потерь. К потерям мы подготовлены, зная, что их избежать никак не удастся. И только одно из прощаний — крайнее в длинном ряду, застаёт нас врасплох. Прощание это всех невозможней, ибо в нем поселилась неожиданная смерть.

Как-то в автобусе я мимолетно услышал: «Нет человека, который бы не умирал. И зачем это надо?»

Этого нам как раз и не надо. Мы заказали себе непрерывную жизнь, не зная того, что к ней с самых первых шагов прилепилась и наша кончина, которую мы несем и несем, пока она в нас не вырастет и не встанет, как вытесняющая судьба.

ГОРЬКАЯ ПОБЕДА

Рвущиеся даже к маленькой власти порой забывают о том, что путь борьбы за нее лежит через тех, кого опрокидывают с дороги. Победа эта тем и горька, что в ней, как печаль на челе, отражается чья-то низвергнутая надежда.

НЕПОКИНУТОСТЬ

Нас, маленьких, но крещеных, сколько мы помним себя, едва ль не с пеленок гнали от нашего Бога. Пугали им, как темнителем белого света. Это он видел и слышал, но никому из хулителей не причинил ни страдания, ни вреда. Нам же, поверившим в святость идей чрезвычайно мудреного ленинизма, он и тем паче не делал плохого. Лишь неуклонно-настойчиво ждал, когда мы пройдем намеченный волей вождей грешный путь. Ждал, чтобы нас, потерявшихся, вволю отведавших скверны, остановить от последних шагов.

На всем этом долгом пути он никого из нас не покинул. Непокинутость эту чувствую по себе, ибо всем существом своим ощущаю любовь. И не важно, в каком

она облик — то ли женщины с кротким дитем на груди, то ли утки с выводком желтых цыплят, побежавших игрушечным поездом по протоке, то ли красивой деревни на солнечном склоне. Важно то, что она существует и побуждает тебя волноваться и радостно спрашивать про себя: «Как чудесно! Откуда все это?» И отвечать так же радостно: «Да от Бога!»

СБОР

Я лежу, погруженный в траву. Мимо меня, как красивые сны, проходят легкие на ногу кони. Проходят и белые облака.

Минута — и вот уже нету ни тех, ни других. Только небо. Оно такое прозрачное в своей нестареющей синеве, что кажется: где-то за ним с самодельной дудой сидит пастушок, сторожа непорочную просинь. И вот-вот наступит особо прелестный момент, когда его губы потянутся к инструменту, и он тотчас же объявит всем косогорам, загонам и пастбищам, где гуляют стада, повелительный сбор.

СЧАСТЛИВЧИК

Нищий, вернувшись домой, достал из кармана бутылку.

Час спустя стал он мужественен и весел, как сподобившийся счастливчик, у кого есть доходное дело и будущее. А была лишь водка.

ПИЛИГРИМ

Еще один век. И еще. С залетейских времен идут они друг за другом, как странники в мгlistом поле. И наш, 20-й, ступает по вечному времени, как запыхавшийся пилигрим. Смертельно уставший, безрадостный век несет в груди у себя еще не остывшее сердце. Сердце стучится и, обещая грядущее, манит нас, уводя за собой. Так может манить разве мать заблудившихся в темном лесу малых деток, которым одним не выбраться на дорогу.

Заволокло. Затуманило. Закружило. Все мы, дети 20-го века, вслепую, рискуя собой, выбираемся на дорогу. Ищем гожую, ту, которая обещает благополучие и привет, а находим — пропащую, ту, что ведет на всесветский Погост. Как же быть? Куда направляться? Вспыхнет ли в гиблом тумане сияющий луч, спокойно и весело высветив нам спасительную дорогу?

ИЗДЕРЖКИ ВРЕМЕНИ

Очередь — это несчастье всех угнетенных. А кто устроитель несчастья? Тот, кого в очереди не встретишь.

ОТЧАЯНИЕ

Жизнь — это лестница. Кто-то стоит на верхней ступени. Кто-то на нижней. А ты оказался ни там и ни тут. Нет для тебя ни опоры, ни поручня, ничего...

ЧЕСТНЫЕ И СВЕТЛЫЕ

- Где сегодня честные?
- В удаленьи.
- Где сегодня смелые?
- В коммерсантах.
- Ну, а эти, светлые?
- Светлые — в народе.
- А чем они светлы?
- Светятся печалью...

ВЛАСТИТЕЛИ ДУШ

Через Русь, печалая ее и радуя, летят вешние журавли. Высоко им, свободно и смело, как властителям душ.

Птичий крик качается в воздухе, словно хор поднебесных певцов, предназначенный грешной Земле, дабы люди на ней, улыбнувшись сквозь грусть, ощутили в себе журавлиную волю.

ХОРОШО И ПЛОХО

Хорошо, когда на заре, сверкая росой, подымается озимь.

Хорошо, когда, громяхая цепями, отчаливает паром.

Хорошо, когда женщина, улыбаясь, словно богиня, говорит кому-то вполголоса: «Здравствуй, милый...»

Трижды плохо, когда мимо этого мы проходим. Проходим слепо и равнодушно, не замечая, что около нас — Жизнь.

ПРОБУЖДЕНИЕ

В зеленой тиши, под свист соловья, разметавшись, заснула Земля. Спала до зари, пока по росе, чуть касаясь травы, не прошел озорной свежачок.

— Здравствуй, заря! — сказала Земля. И тотчас же на ней, как в весеннем раю, всё засияло, запело, зашелестело.

НЕПОНИМАНИЕ

На гребень сытой жизни Родина выносит недостойных. Те рвутся вверх, не понимая, что на гребне им не удержаться. Там — деньги, власть, имущество, все то, что порождает ледяную зависть у новых, лезущих наверх.

Свергаются одни. Взбираются другие. Ни первых, ни вторых, ни третьих Родина не защитит. Ведь Родина — не только местность и любимый дом, но и народ. А те, что наверху — оторванная горсточка народа. И никогда они друг друга не поймут.

ЭТО

Неустроенность — это еще ничего.

Безденежье — это еще поправимо.

Обнищание — это тоже еще не беда.

Предательство — это уже безнадежно.

Потеря достоинства — это конец.

НА ОГРОМНОЙ ПЛАСТИНКЕ

Колготливо в стране, шумливо и бередливо. И не сразу поймешь, кого у нас больше: то ли наглых чертей, то ли смурых людей? Все сошлись, как на мчащемся в вечность круге: мелкие жулики на вокзале, пенсионеры в Собесе, губернатор на «Волге», разбойники в перелуке, пожилые и молодые, рабочие и крестьяне, младенцы и старики. Собрались, как на долгоиграющей, очень огромной пластинке, которую крутит с радостным визгом, наверное, сам сатана. Крутит крамольник и замечает, как с круга один за другим срываются те, кто не смог устоять. И вот уже где-то они позади, за пределами долгоиграющей, где так тихо и так спокойно и где нет и не было ничего...

МГНОВЕННО

Тот счастлив, кто никогда не узнает, что жизнь его оборвется мгновенно, не будет даже секунды, чтобы осмыслить, когда и как все это произошло.

ГУБИТЕЛЬНЫЙ МИГ

Кончено. Поздно куда-то спастись. Сейчас тебя заберут. И простить тебя может лишь срок, который пойдет отсчитывать твою жизнь по суровым лагерным установкам. Куда бы тебе подеваться в этот губительный миг? Откинуться бы назад. Разумеется, не к забо-

ру, к которому ты приперт, а к далекому прошлому, к светлым дням, когда ты был маленьким и не знал, что от кого-то придется спастись.

ИЗ ЧЕТВЕРТОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Иду по сосновому бору в легких сумерках майского дня. Каплет дождичек — мелкий и теплый. Трепыхает с березы пластик коры. Слышен голос: «Ямщик, не гони лошадей...»

Это мама моя. Я уверен. Это она подает мне сигнал о себе. Подает из четвертого измерения, приглашая меня на вечерний совет, на котором, наверное, будет вся моя отлетевшая в вечность родня.

СУХОНСКИЙ ХАРОН

Сухона. Утлый паром. И понурый, как ночь, перевозчик.

— Эй, старик, переправь за реку!

— Надоело? — спрашивает он.

Пассажир отвечает:

— Давно.

Перевозит за реку. Ну, а там лишь тропа по пустынному берегу, уводящая в городок, меж крестов и калиток которого, — настоящий мертвецкий покой.

БЕССМЕРТИЕ ПОРОДЫ

Мой дед исчез в Сибири как без вести пропавший арестант. Он был меня, теперешнего, лет на семь моложе. Его, быть может, и не хоронили. Короче — нет его. А между тем он есть в моем характере, моих привычках, голосе моем и в том, как я тревожусь, думаю, терплю, дышу, передвигаюсь. Не в этом ли и кроется бессмертие породы? Меня не будет — повторит ли кто из будущей моей родни хотя бы часть того, что соткано во мне? Но этого мне, видно, не узнать. У будущего, как у вечности, подсказок не бывает.

ЗАЩИТНИЦА

Устал от дороги. Захотелось свалиться в траву. Пал в нее, приникая к цветам.

Захмелела моя голова. И, мутнея сознанием, понял: этот черный угар пролила белена, проявляя себя бескорыстной защитницей луга.

НА ЗЛОВЕЩЕМ КОНЕ

Гляжу на икону, где Егорий-победоносец поражает копьём ползучего гада. И досадую, что копьё его оказалось неточным. Гад живет и поныне. Он в могуществе и расцвете. И не ползает, а летает, как сиятельный князь, на дивном коне. И в руке у него копьё, которым он норовит ударить Егория, на карачках ползущего по земле.

Подымись, святорусский Егорий! Не повадно воину на карачках! Встреть копьё, как встречают судьбу.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Что случится нынче в Отечестве? Никому ничего неизвестно. Нет пророка, который бы знал: по каким омутам поплывет многовластная жизнь. От судьбы не уйдешь. Предстоящее явится, как неизбежность. Очевидно лишь то, что героем не станет тот, кто готовится стать героем.

ПЯДЬ ЗЕМЛИ

Нерусское вино. Нерусское пальто. Нерусские консервы. Нерусский самолет. Нерусская дорога. Нерусская душа.

Что русского осталось? Только пядь земли, в которую старательно вгоняют и не могут, ну никак, вогнать.

НА ПАРОХОДЕ

Приходит время новым городам и новым государствам. Все старое сметается, как пыль. Нет даже древних деревень. Есть только те, которые растут на пустырях и пепелищах.

Приходит время уходить. И мы уходим — тихо, нехотя, по одиночке. Нас нет. Но место наше занято. Пустот у жизни не бывает.

Восходят над народами народы. Восходит и заходит солнце. И посреди миров, как исполинский пароход, безостановочно плывет Земля. Плывет в чудесную и страшноватую, как сказка, неизвестность.

СТЯЯ

Сколько новых знамен, новых лозунгов, новых призывов! Между ними, лавируя, суется живучая стая приготовленных к шабашу удалцов, от которых на сто лет вперед развращенно смердит переметным усердием и изменой.

ДО КОНЦА

Фронтовики! Как мало вас! И потому вы тянетесь друг к другу. Как напоследок. Как в последний раз.

Все тише раздаётся «Синенький платочек». Все несдержимее и ближе слабая слеза. Но кто бы знал, как сильно в вас живет воспоминание о том, как проходили вы внизу, под самой смертью, которая в вас метила, но, промахнувшись, срезала других! И оттого вы рядом с нами, точь-в-точь ходячие музеи! В музеях же — кровавые окопы, выстрелы, встающая с колен поработанная Европа и светлая, как утро, матушка-Россия, с кем вы остались до конца.

ВЕСЕЛЫЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Я так хотел увидаться с отцом! Хотел дожидаться Дня Победы, когда отец, устало улыбаясь, вернется, наконец, в наш тихий городок. Обнимет мою мать. Обнимет и меня.

Но этого случиться не могло. Отец был где-то в Казахстане. Там отбывал как «зэк» десятилетний срок. И потому в один из майских дней я растерялся, когда увидел среди первых пассажиров пришвартованного к пристани большого парохода высокого, в красивой форме, при наградах, лейтенанта, который, разглядев меня, тихонько засмеялся и, подбежав ко мне, раскинул руки. Я моментально вырос над толпой, приник лицом к его шершавому лицу. От необычной радости я заморгал, заулыбался и даже приготовился услышать: «Здравствуй, сын!»

Но тут нас окружили, замелькали женские платки, прически, руки. И неожиданно тревожный голос:

— Анатолий! Это же чужой! Вот наш-то! Вот!

И лейтенант, смущенно оконфузясь, неловко опустил меня на землю.

— Черт, — сказал.

Через минуту лейтенант, подхваченный родней, с приробевшим сыном на руках, шел по булыжной мостовой. Кого-то целовал. Кому-то улыбался. А я, толкаемый котомками, углами чемоданов и мешками, смотрел ему вдогонку и, усмиряя остроту всё возрастающей обиды, невольно думал об отце. О! Если бы он только возвратился...